

Отзыв

**официального оппонента на диссертацию
Алимовой Эльмиры Шаукатовны «Компетенция суда на стадии
исполнительного производства в гражданском процессе»,
представленную на соискание учёной степени
кандидата юридических наук по специальности 12.00.15-
гражданский процесс; арбитражный процесс**

Избранная автором тема диссертационного исследования, несомненно, имеет важное теоретическое и практическое значение. Она посвящена исследованию компетенции суда на стадии исполнительного производства в гражданском процессе. Следует признать, что неисполнение судебных решений России – глобальная проблема, попытки создания эффективной системы исполнительного производства в нашей стране пока не увенчались успехом. Как справедливо отмечает диссертант, исполнение судебных решений по-прежнему остается на весьма низком уровне, значительное число исполнительных производств завершается без их окончания фактическим исполнением, без реального возмещения притязаний взыскателя. Нередко судебными приставами-исполнителями установленные законом и разумные сроки исполнения судебных актов и актов иных юрисдикционных органов не соблюдаются, распространены случаи нарушения в процессе принудительного исполнения не только прав взыскателей, но и должников, а также третьих лиц, не являющихся участниками исполнительного производства. Законодатель и ФССП РФ не удалось справиться с и с постоянно возрастающей нагрузкой на судебных приставов-исполнителей, что актуализирует проблематику поиска путей и способов повышения эффективности исполнительного производства, направлений взаимодействия суда и органов принудительного исполнения и, как следствие, реанимирует идею более активного суда в сфере исполнительного производства.

Оценивая объективно актуальность и степень разработанности темы, необходимо отметить, что некоторые вопросы о роли суда при исполнении судебных постановлений (актов), о правовой природе актов суда, выносимых в

процессе исполнения судебных решений, формах судебного контроля за исполнительным производством, процессуальные аспекты взаимодействия судебного пристава исполнителя и суда в исполнительном производстве рассматривались в науке российского гражданского процессуального права (диссертации Д.Я. Малешина (М., 2002), М.З. Шварца (СПб, 2004), М.В. Филимоновой (Саратов, 2006), Л.В. Ярошенко (М., 2016), Д.Б. Абушенко (Екатеринбург, 2014) и др.), но до настоящего времени, как справедливо отмечает диссертант, в цивилистическом процессе отсутствует комплексное и системное исследование компетенций суда на стадии исполнительного производства, нормы трех процессуальных кодексов (ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ), регламентирующие производство, связанное с исполнением судебных актов (постановлений), и нормы ФЗ «Об исполнительном производстве», несмотря на призывы к унификации и непрерывный процесс усовершенствования гражданско-процессуального законодательства и законодательства об исполнительном производстве, нередко противоречат друг другу. Нельзя не отметить имеющиеся и относящиеся прямо или опосредованно к теме исследования Э.Ш. Алимовой некоторые фундаментальные исследования российских ученых. К примеру, вопросы о соотношении правосудия по гражданским делам с исполнительным производством глубоко исследованы Г.А. Жилиным, который справедливо отмечает, что отсутствие надежного механизма исполнения судебных решений несовместимо не только с требованием полноты судебной защиты прав, но и с принципом справедливого правосудия, отрицательно сказывается на авторитете судебной власти, а также порождает сомнения в эффективности правовых средств защиты.

Проблемы в сфере исполнительного производства обусловлены целым комплексом причин как объективного, так и субъективного характера, но одной из существенных среди них является противоречивость теоретических воззрений относительно природы исполнительного производства и его места в системе правовых средств защиты. К сожалению, не вдаваясь в подробный анализ существующих взглядов по этому остро дискуссионному вопросу,

диссертант лишь констатирует: совокупность особенностей исполнительного производства позволяет выделить его в отдельную заключительную стадию гражданского процесса, но не в самостоятельную отрасль права и с этой научной позиции исследует в дальнейшем компетенцию суда на стадии исполнительного производства (с. 14–17 и др.).

По мнению большинства исследователей, правильное определение соотношения правосудия с исполнительным производством имеет не только научное, но и практическое значение, поскольку позволяет определить наиболее эффективную форму взаимодействия суда и органов принудительного исполнения судебных решений, установить пределы воздействия суда на исполнительное производство.

Сторонники отнесения исполнительного производства к стадии гражданского процесса (А.Т. Боннер, Е.Г. Стрельцова и др.) предлагают включить весь массив норм, регулирующих отношения по исполнению судебных актов, в процессуальные регламенты ГПК РФ и АПК РФ, а также обосновывают возвращение к модели судебного пристава как «подсобного судебного органа»¹.

В этой связи очень своевременно появление научного исследования Ш.Э. Алимовой, посвященного исследованию роли суда, в котором предложены взвешенные и обоснованные подходы к решению ряда накопившихся проблем в производстве, связанном с исполнением судебных актов, и сформулирован концептуально важный вывод о том, что возвращение суду функций по осуществлению повседневного контроля за деятельностью судебного пристава-исполнителя и подчинение судебных исполнителей судебной власти едва ли можно назвать целесообразным, поскольку это привело бы к увеличению объема работы и вернуло несвойственные органам судеб-

---

¹ Стрельцова Е.Г. Модель исполнительного производства (в контексте обсуждения реформы процессуального законодательства) // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 9. 2015. С. 79-86.

ной власти функции (с. 22, 26, 28, 33, 35,37, 46, 52–54, 139, 142, 147, 150, 154–155, 169, 201 диссертации).

На наш взгляд, сформировавшаяся модель исполнительного производства и структура законодательства об исполнительном производстве при всех имеющихся недостатках, которые могут быть устранимы, в основном соответствует месту и юридической природе исполнительного производства в системе отечественного права, правовых средств защиты прав, свобод и законных интересов, механизме защиты нарушенных и оспариваемых прав, поскольку законодатель вполне обоснованно и разумно воспринял идею определенной автономности исполнительного производства, включив в ГПК РФ и АПК РФ, а в последующем и в КАС РФ лишь те процессуальные нормы, которые регулируют отношения, связанные с исполнением судебных постановлений (актов). Кроме того, законодатель обозначил соответствующие разделы названных кодексов с учётом новой концепции как производство, связанное с исполнением постановлений (актов), а не исполнительное производство, что имело место в советском гражданском процессе. Собственно нормы, регулирующие условия и порядок принудительного исполнения судебных актов, в основном сосредоточены в ФЗ «Об исполнительном производстве», а также фрагментарно в иных федеральных законах, вопросы обеспечения исполнительного производства регулируются указами Президента Российской Федерации и постановлениями Правительства Российской Федерации, которые принимаются на основании и во исполнение ФЗ «Об исполнительном производстве». Необходимость устранения пробелов, дублирования и противоречий в регулировании исполнительного производства выявила потребность в более глубокой систематизации соответствующих норм и повлекла за собой разработку третьего по счёту проекта Исполнительного кодекса Российской Федерации, однако вряд ли целесообразно и возможно возвращение к модели исполнительного производства советского периода. Исполнительное производство (функции суда) являлось предметом фундаментального исследования в одноименной монографии Д.Я. Малешина, вы-

шедшей в свет в 2003 г. (2-е изд., перераб. и доп., М., 2005), на страницах которой названный автор, будучи убежденным сторонником идеи активного и непосредственного участия суда в исполнительном производстве, пришел к выводу о необходимости наделения суда дополнительными полномочиями по исполнению судебных постановлений (с. 76, 77 и др.). Д.Б. Абушенко в своей докторской диссертации «Проблемы взаимовлияния судебных актов и юридических фактов материального права» второй параграф второй главы посвятил исследованию правовой природы определения суда, которым предоставляется отсрочка (рассрочка) исполнения судебного акта. В работе он отстаивал тезис о том, что легальная продолжниковая преференция, состоящая в праве должника изменить материальное правоотношение к своей выгоде, противоречит конституционному принципу равенства всех перед законом, предлагает создание компенсаторных механизмов для обеспечения имущественных интересов кредитора, ограничение права судебной дискреции в вопросе о предельных сроках отсрочки (рассрочки). Э.Ш. Алимова в своей работе обращается к анализу норм института отсрочки (рассрочки) исполнения судебного акта (с. 49–59 диссертации), но не разделяет и не поддерживает сделанные Д.Б. Абушенко выводы, а критически анализируя их, формирует весьма обоснованное собственное суждение о том, что институт отсрочки (рассрочки) нельзя рассматривать в качестве одностороннего изменения условий обязательства в пользу должника, поскольку суд, обеспечивая баланс интересов сторон, в рассматриваемом случае осуществляет судебный контроль над исполнительным производством посредством внесения изменения в сроки исполнения принятого им судебного акта в рамках иного (публичного по своей природе) правоотношения.

Обосновывая актуальность темы исследования, автор справедливо утверждает, что отсутствие эффективного исполнения судебных актов на протяжении длительного периода времени продолжает оставаться наиболее значимой проблемой в гражданском судопроизводстве. Принятие Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 119-ФЗ «Об исполнительном производст-

ве» не решило в полной мере проблему малой эффективности исполнительного производства, однако ожидаемо стало предпосылкой возникновения в теории многочисленных концепций, предлагающих рассматривать заключительную стадию судопроизводства за пределами гражданского и арбитражного (цивилистического) процесса. Разобщенность и несогласованность процессуально-правовых норм не только является поводом для дискуссий в науке, но и негативно сказывается на качестве правового регулирования исполнительного производства (с. 4, 19–22).

Работа над проектом единого ГПК РФ, проектом Исполнительного кодекса РФ требуют новых идей на проблему соотношения правосудия и исполнительного производства, взаимодействия суда и органов принудительного исполнения с целью повышения эффективности правосудия.

Таким образом, можно с полной уверенностью говорить о несомненной актуальности темы, избранной Э.Ш. Алимовой для диссертационного исследования.

Работа состоит из введения, 4 глав (8 параграфов), заключения, библиографического списка, объем работы (включая список использованных источников) 222 страницы.

Работа написана по логическому плану, позволившему автору рассмотреть весь спектр теоретических и практических аспектов темы исследования.

Объектом диссертационного исследования явились общественные отношения, складывающиеся между судом и участниками исполнительного производства в процессе осуществления судом контрольных и самоконтрольных полномочий, а также деятельности по оказанию содействия участникам исполнительного производства.

Предмет проведенного исследования – анализ норм различных этапов развития российского законодательства, регулирующего порядок реализации судом совокупности полномочий на стадии исполнительного производства,

практика его применения судами, а также научные исследования, посвященные наиболее важным проблемам, возникающим в ходе принудительного исполнения судебных актов.

Целью диссертационного исследования обозначено выявление и устранение правовых неопределенностей, возникающих в ходе реализации судом компетенции на стадии исполнительного производства (с. 7 диссертации).

В рамках обозначенной цели исследования поставлены следующие задачи:

- определить формы и виды судебного контроля на стадии исполнительного производства;
- выявить иные полномочия суда на заключительной стадии судопроизводства;
- выявить полномочия по самоконтролю и полномочия суда по оказанию содействия применительно к стадии исполнительного производства, а также определить их виды;
- исследовать юридическую природу судебной неустойки (астрента) в качестве института гражданского (арбитражного) процессуального права.
- выявить иные полномочия суда на заключительной стадии судопроизводства, которые, на наш взгляд, в основном успешно выполнены.

Работа имеет серьезную методологическую основу – диссертационное исследование опирается на современные общенаучные и специальные методы исследования и основывается на положениях отечественного законодательства, регулирующего процессуальные отношения, возникающие между судом и органами принудительного исполнения судебных актов, иными участниками исполнительного производства, научных достижениях в области гражданского и арбитражного процесса, административного судопроизводства, исполнительного производства (с. 7–8, 205–222 диссертации).

Эмпирической базой исследования диссертанту послужили судебные акты Верховного Суда Российской Федерации, Высшего Арбитражного Суда

Российской Федерации; Конституционного Суда Российской Федерации, а также судебные акты некоторых федеральных судов, в том числе исследованных в результате личного опыта работы автора в системе арбитражных судов и системе судов общей юрисдикции; информационные письма Президиума ВАС РФ, приказы Судебного департамента при Верховном Суде РФ (с. 8, 25, 207–212).

Научная новизна диссертационного исследования подробно отражена в 6 положениях, выносимых на защиту (с. 9–12 диссертации).

В диссертации подробно исследованы проблемы общего и частного характера.

Общетеоретические вопросы и проблемы нашли отражение и весьма успешно разрешены в гл. 1 диссертации «Контролирующая деятельность суда на стадии исполнительного производства». В этой части работы исследованы следующие проблемы:

– содержание и соотношение категорий «задачи судопроизводства», «функции», «полномочия», «компетенция» суда в контексте темы исследования, сущность правоотношений, возникающих на стадии исполнительного производства, их отличие от гражданских процессуальных и административно-правовых правоотношений, субъектный состав правоотношений, складывающихся в процессе принудительного исполнения судебных актов, роль суда в исполнительном производстве, некоторые вопросы разграничения компетенции по осуществлению судебного контроля между судами общей юрисдикции и арбитражными судами, виды судебного контроля на стадии исполнительного производства (гл. 1, с. 14–37 диссертации);

– полномочия суда по осуществлению прямого и косвенного судебного контроля, порядок осуществления прямого и косвенного судебного контроля, характеристика правоотношений, возникающих при прямом и косвенном контроле (гл. 2, 3 с. 45–132 диссертации).

Главы 2, 3, 4 работы насыщены исследованием дискуссионных вопросов как теоретического, так и сугубо прикладного характера. В них весьма под-

робно с анализом значительного числа судебных актов судов общей юрисдикции и арбитражных судов исследованы проблемы:

- предоставления отсрочки и рассрочки исполнения судебного акта (с. 50–68);
- изменения способа и порядка исполнения судебного акта (с. 68–71 диссертации);
- приостановления, возобновления и прекращения исполнительного производства (с. 72–83 диссертации);
- отложение исполнительных действий (с. 84–98 диссертации);
- рассмотрены полномочия суда по осуществлению самоконтроля на стадии исполнительного производства и формы его проявления и полномочия по оказанию содействия на стадии исполнительного производства (гл. 4, с. 133–204).

Практическая значимость исследования заключается в предложениях диссертанта, направленных на совершенствование законодательства, которые вполне могут быть востребованы и реализованы в законотворческой и правоприменительной деятельности, её работа может вызвать интерес при доработке единого ГПК РФ и проекта Исполнительного кодекса Российской Федерации. Отметим, что в основу раздела VII проекта единого ГПК РФ положена следующая ключевая идея: исполнительное производство организационно и функционально отграничено от правосудия, находится в ведении исполнительной власти, задача судов – осуществление последующего судебного контроля за процессом исполнительного производства при возникновении правовых конфликтов (разрешение споров)². Такую же концепцию поддерживает и развивает в своей работе Э.Ш. Алимова (с. 22, 26, 28, 33, 35, 37, 46, 52–54, 139 и др. диссертации).

Диссертационное исследование содержит новые научные положения, суждения, взгляды, выводы, многие из которых являются теоретически и

---

² См.: Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации /вступ. слово П.В. Крашенинникова. М., 2015. С. 211–215.

практически значимыми, научно-инновационными и интересными, требующими дальнейшей разработки с целью повышения эффективности исполнительного производства и, как следствие, в интересах повышения эффективности судебной защиты гражданских прав, авторитета судебной власти (с. 22, 26, 28, 33, 35, 37, 46, 52–54, 139, 142, 147, 150, 154–155, 169, 201 диссертации).

Интерес представляет проведенный автором анализ взглядов советских и российских учёных по вопросу критериев классификации полномочий суда на стадии исполнительного производства (с. 38–44).

Диссертантом предложена и обоснована четырёхчленная классификация полномочий суда, присущих ему на заключительной стадии судопроизводства (прямой контроль суда; косвенный контроль суда; самоконтроль суда; содействующие полномочия суда участникам исполнительного производства), сформулированы определения каждого из видов группы полномочий в соответствии с предложенной в работе классификацией, а также определены их виды.

Под судебным контролем на стадии исполнительного производства автором понимается возникающая в определенных законом случаях деятельность суда, направленная на обеспечение правильного и своевременного исполнения судебных актов, а также на проверку правильности действий судебного пристава-исполнителя, в целях обеспечения защиты прав и законных интересов должника, взыскателя и других заинтересованных лиц. По мнению диссертанта, судебный контроль за исполнительным производством осуществляется в рамках гражданских и административных процессуальных правоотношений, поскольку судебный контроль реализуется посредством осуществления гражданского, арбитражного и административного судопроизводства (положение первое, вынесенное на защиту).

На основе анализа правового регулирования предоставления рассрочки или отсрочки взыскания исполнительского сбора предлагается деятельность

суда по его применению рассматривать в качестве составной части прямого судебного контроля над исполнительным производством. Обосновывается необходимость законодательной регламентации в ГПК РФ института отсрочки или рассрочки взыскания исполнительского сбора, уменьшения его размера или освобождения от его взыскания в ГПК РФ. Аргументируется вывод о недопустимости альтернативной подсудности подачи заявлений о предоставлении отсрочки или рассрочки исполнения, об изменении порядка или способа исполнения, а также о приостановлении и прекращении исполнения судебного акта, предусмотренной процессуальными регламентами.

Практическую и теоретическую ценность представляют взгляды диссертанта и предложения по усовершенствованию института поворота исполнения решения суда, в том числе неисполненного судебного акта. Заслуживает поддержки вывод автора о необходимости установить в ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ информационной обязанности суда по извещению судебного пристава-исполнителя о принятом новом судебном акте о полном или частичном отказе в исковом заявлении (заявлении), если исполнение отмененного полностью или частично судебного акта еще не началось. Плодотворны суждения о понятии самоконтроля суда на стадии исполнительного производства как деятельности суда по исправлению ошибок и устранению неполноты в вынесенном им судебном акте путем вынесения соответствующего определения, расширении круга субъектов, иницилирующих исправление допущенных судом ошибок и выделении в полномочий суда по исправлению собственных ошибок в самостоятельную группу полномочий (положение 4, вынесенное на защиту).

Теоретическую ценность имеют выводы диссертанта о выделении в отдельную самостоятельную группу некоторых полномочий суда на стадии исполнительного производства (разъяснение исполнительного документа, разъяснение судебного акта; выдача дубликата исполнительного листа; восстановление срока для предъявления исполнительного листа; вынесение судебного акта о замене стороны исполнительного производства; начисление

судебной неустойки (астрента), отличающихся по своему содержанию от контрольных и самоконтрольных полномочий суда. Такую деятельность суда, исходя из специфики содержания, вполне уместно можно обозначить как «содействие исполнению» (положение 5, вынесенное на защиту, с. 133-).

Заслуживают поддержки выводы автора о природе института разъяснения исполнительного документа, потребность в использовании которого обусловлена недостаточной ясностью требования, содержащегося в исполнительном документе, а не наличием судебной ошибки в судебном акте, подлежащем разъяснению судом, о целесообразности урегулирования процедуры разъяснения исполнительного документа, способа и порядка его исполнения путем включения соответствующей процессуальной нормы в раздел АПК РФ, посвященный исполнению судебных актов, учитывая наличие и содержание соответствующих норм в ГПК РФ (ст. 433) и КАС РФ (ст. 355). Диссертант объективно акцентирует внимание на непоследовательность регулирования института разъяснения исполнительного документа в процессуальных регламентах и ФЗ «Об исполнительном производстве» (ст. 32) как с точки зрения места расположения норм названного института, так и с точки зрения его содержания (см. ст. 433 ГПК РФ, ст. 355 КАС РФ), что вызывает потребность в унификации (с. 175–181 диссертации). Можно одобрить предложенную автором формулировку статьи о разъяснении исполнительного документа арбитражным судом с точки зрения её содержания, в том числе предложение о расширении круга субъектов, по заявлению которых суд вправе разъяснить положения исполнительного документа (других исполняющих решение арбитражного суда органа, организации) (с. 181 диссертации).

Следует согласиться с суждением автора о том, что распространенная в юридической литературе точка зрения об отнесении действий суда по разъяснению судебного акта к самоконтрольным полномочиям суда обусловлена неудачной конструкцией ст. 179 АПК РФ, регламентирующей два разных по

своей природе и сущности института – разъяснение решения и исправление опечаток, опечаток и арифметических ошибок.

Интересен проведенный автором анализ российской и зарубежной доктрины о природе и сущности судебной неустойки как важного средства, способного повысить эффективность исполнительного производства. Теоретический экскурс в исследование этого нового правового явления в отечественной доктрине позволил автору дать представление о многообразии подходов к объяснению сущности судебной неустойки, выявить отличие от смежных категорий и сформулировать вывод о том, что судебная неустойка (астрент) является процессуальным правовым институтом и по юридической природе выступает стимулирующей мерой к своевременному исполнению судебного акта. Поскольку начисление судебной неустойки находится в непосредственной зависимости от возбужденного исполнительного производства, в диссертационной работе вполне обоснованно предлагается включить в кодифицированные процессуальные акты, регламентирующие гражданское судопроизводство (ГПК РФ, АПК РФ), в разделы, посвященные производству, связанному с исполнением судебных актов, процессуальные нормы, регулирующие порядок присуждения судом судебной неустойки (положение 6, вынесенное на защиту).

Практическую ценность имеет исследование диссертантом института отложения исполнительных действий. Автор справедливо обращает внимание на наличие противоречий между ст. 38 ФЗ «Об исполнительном производстве» и ст. 328 АПК РФ в части субъектного состава, наделенного правом на обращение с соответствующим заявлением.

Можно поддержать предложение диссертанта о внесении изменений в п. 1 ст. 38 ФЗ «Об исполнительном производстве», предоставив право и должнику обратиться с заявлением об отложении исполнительных действий и применении мер принудительного исполнения, поскольку практикой востребовано такое регулирование, что автором подтверждено убедительными примерами.

Автором убедительно доказана необходимость включения в гражданское процессуальное законодательство нормы, посвященной реализации института отложения исполнительных действий судами общей юрисдикции, поскольку рассмотрение вопроса об отложении исполнительных действий в судебном порядке позволяет наиболее полно выяснить действительное наличие обстоятельств, препятствующих совершению отдельных исполнительных действий, тем самым реализуя принцип своевременного совершения исполнительных действий и применения мер принудительного исполнения, закрепленного в ст. 4 ФЗ «Об исполнительном производстве».

Обоснованными представляются предложения о необходимости внесения изменений в ст. 444 ГПК РФ, 326 АПК РФ, 362 КАС РФ дополнением пунктом следующего содержания: «Отмена судебного приказа является самостоятельным основанием для поворота исполнения судебного приказа».

Следует поддержать идею о расширении круга лиц, обладающих правом на обращение в суд с заявлением о повороте исполнения судебного акта, предоставив такое право истцу, а также внесение изменений в ст. 121 ФЗ «Об исполнительном производстве» (указать, что наряду со сторонами исполнительного производства, иными лицами, чьи права и интересы нарушены такими действиями (бездействием), в определенных законом случаях вправе также обратиться прокурор, иные государственные органы, должностные лица, Уполномоченный по правам человека Российской Федерации, Уполномоченный по защите прав предпринимателей Российской Федерации).

Теоретическое значение диссертационного исследования состоит в разработке новых знаний науки цивилистического процессуального права. Совокупность теоретических положений, предложенных в диссертационной работе, позволяет решить ряд проблем, возникающих в процессе принудительного исполнения судебных актов.

Практическое значение диссертационного исследования заключается в разработке обоснованных рекомендаций по совершенствованию дейст-

вующего процессуального законодательства в сфере исполнительного производства (с. 66–68, 108, 127, 178, 181, 201 и др.). Результаты исследования могут быть использованы в преподавательской деятельности в высших образовательных учреждениях при изучении дисциплин «Гражданское процессуальное право», «Арбитражное процессуальное право», а также спецкурса «Исполнительное производство».

Апробация результатов исследования традиционна для исследований подобного назначения.

Основные положения исследования нашли отражение в 5 научных статьях, опубликованных автором в период подготовки диссертации, в том числе 3 в научных изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

Выводы диссертационного исследования также нашли отражение в докладах на конференциях различного уровня, в частности, на совместной XVII ежегодной международной научно-практической конференции юридического факультета МГУ и XI Международной научно-практической конференции «Кутафинские чтения» Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) на тему «Обеспечение прав и свобод человека в современном мире» (22–24 ноября 2016 г. Москва), и др.

В целом диссертационное исследование Э.Ш. Алимовой отличается концептуальностью, комплексный подход, оригинальность суждений и обоснованность выводов.

Диссертация Э.Ш. Алимовой – законченное монографическое исследование, в котором содержится решение научной задачи, имеющей важное значение для развития процессуальной науки, процессуального законодательства и законодательства об исполнительном производстве.

Вместе с тем диссертационное исследование Э.Ш. Алимовой, как и всякое творческое исследование, не лишено отдельных недочетов, спорных, а иногда противоречивых и недостаточно убедительных положений, вызы-

вающих замечания, возражения, некоторые дискуссионные проблемы не исследованы.

1. Следует согласиться с мнением диссертанта о том, что правильное определение вида судопроизводства, равно как и вида производства имеет не только важное теоретическое, но и практическое значение (с. 105, 106, 111–117 диссертации). Нельзя оспорить и то, что этот вопрос в доктрине цивилистического процесса относится к числу наиболее дискуссионных (см., например, работы Т.Е. Абовой, Н.А. Громошиной, Е.И. Носыревой, Г.Л. Осокиной, Т.В. Сахновой, Л.В. Тумановой, В.М. Треушниковой, В.М. Шерстюка и др.). Однако вряд ли верно с точки зрения сложившихся в науке цивилистического процесса представлений о понятии «виды судопроизводства» и «виды производств» утверждать о наличии самостоятельного арбитражного судопроизводства, в порядке которого арбитражные суды осуществляют судебный контроль. Такой вывод диссертанта прямо противоречит Конституции РФ. Согласно ч. 2 ст. 118 Конституции РФ судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства. Аналогичное положение закреплено в ч. 3 ст. 1 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», которая дословно повторяет конституционное положение о том, что судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства. Арбитражные суды рассматривают дела посредством двух конституционно установленных видов судопроизводства: гражданского судопроизводства и административного судопроизводства.

2. Требуется некоторого уточнения предложенное автором наименование статьи «Разъяснение исполнительного документа» для закрепления её в АПК РФ (ст. 181 диссертации). На наш взгляд, речь должна идти о разъяснении положений (содержания) исполнительного документа, а также способа и порядка его исполнения, поскольку предложенное наименование статьи значительно уже её содержания, а также не согласовано с наименованием ст.

32 ФЗ «Об исполнительном производстве». Хотелось бы выяснить мнение автора о целесообразности исключения из всех процессуальных регламентов статьи о разъяснении исполнительного документа, точнее, серьёзного изменения их содержания путем включения отсылочной нормы о том, что суд, принявший судебный акт, вправе разъяснить исполнительный документ в случаях, предусмотренных Федеральным законом «Об исполнительном производстве» (к примеру, по аналогии регулирования в ч. 1 ст. 439 ГПК РФ прекращения исполнительного производства судом)? .

3. Нередко под видом разъяснения судебного решения, исполнительного документа предпринимаются попытки изменения его содержания, а также имеет место отказ в разъяснении исполнительного документа (см., например: Е.Г. Стрельцова. Модель исполнительного производства (в контексте обсуждения реформы процессуального законодательства) // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 9. С. 80). В этой связи возникает ряд вопросов. «Является ли разъяснение исполнительного документа, способа и порядка его исполнения правом или обязанностью суда? Учитывая возникающие проблемы в правоприменительной деятельности, целесообразно ли в соответствующих статьях процессуальных кодексов более подробно изложить содержание понятий «разъяснение решения суда», «разъяснение исполнительного документа»? . К примеру, научный интерес представляет четкое и весьма удачное понимание сущности разъяснения в постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа от 20 июня 2016 г. по делу № 56-16764/2013: разъяснение – это изложение судебного решения в более полной и ясной форме. Изложение решения в более полной форме осуществляется путем восполнения текста судебного решения за счёт расшифровки кратких формулировок, восполнения логической связи между выводами суда. Изложение решения в более ясной форме производится в случае, если в решении содержатся расплывчатые, неясные по толкованию выводы, в связи с чем текст судебного решения нуждается в уточнении, которое автор анализирует в своем научном исследовании.

4. Учитывая, что ст. 433 ГПК РФ, ст. 355 КАС РФ содержат исчерпывающий перечень субъектов, имеющих право на обращение в суд с заявлением о разъяснении исполнительного документа, вправе ли иные лица, помимо взыскателя, должника, судебного пристава-исполнителя, обратиться за разъяснением исполнительного документа, к примеру прокурор, представитель взыскателя, и требуется ли в последнем случае специальная оговорка в доверенности на право обращения с заявлением о разъяснении, необходимо ли усовершенствование соответствующих статей?

5. Согласно п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 ноября 2015 г. № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» мировое соглашение, соглашение о примирении, не исполненное добровольно, подлежат принудительному исполнению на основании исполнительного листа, выдаваемого судом по ходатайству стороны данного соглашения (ч. 2 ст. 142 АПК РФ, по аналогии закона судами общей юрисдикции в гражданском процессе на основании ч. 4 ст. 1 ГПК РФ, ч. 9 ст. 137 КАС РФ). По мнению Верховного Суда РФ, отсутствие сведений о неисполнении условий мирового соглашения, соглашения о примирении, содержащих обязанности одной или обеих сторон по передаче имущества либо по совершению (несовершению) определенных действий, не является основанием для отказа суда в выдаче исполнительного листа и для отказа судебного пристава-исполнителя в возбуждении исполнительного производства на основании выданного судом исполнительного листа о принудительном исполнении мирового соглашения, соглашения о примирении, поскольку обстоятельства, связанные с исполнением, подлежат выяснению в ходе исполнительного производства.

Учитывая, что данный вопрос остался за пределами научного исследования, хотелось бы уточнить мнение автора, целесообразно ли такое правовое регулирование и предложенное толкование Верховного Суда РФ. Может быть, более рационально с позиции обеспечения баланса интересов взы-

скателя и должника, вопрос о выдаче исполнительного листа в указанном случае рассматривать в судебном заседании с участием взыскателя и должника и выдавать исполнительный лист после установления (подтверждения) факта неисполнения мирового соглашения? Какая презумпция в указанном случае более разумна? Презумпция неисполнения или исполнения мирового соглашения должником?

6. В связи с нечеткостью выводов и критикой автором законодателя, установившего предельно короткие сроки для рассмотрения заявлений о разъяснении исполнительного документа (с.177–178 диссертации) и нерациональную процедуру (ст. 433 ГПК РФ, ст. 355, 185 КАС), требует некоторого уточнения предлагаемый автором порядок рассмотрения таких заявлений: в судебном заседании, но без извещения взыскателя, должника, судебного пристава-исполнителя; в судебном заседании с извещением взыскателя, должника, судебного пристава-исполнителя; вызов взыскателя, должника, судебного пристава возможен по усмотрению суда; с участием лица, обратившегося за разъяснением. Подчеркнем, что КАС РФ (ч. 2 ст. 355) не содержит специального порядка (судебной процедуры) рассмотрения заявлений о разъяснении исполнительного документа, а содержит отсылочную норму к ст. 185 КАС РФ, устанавливающую весьма сложную процедуру рассмотрения заявлений в судебном заседании (с извещением лиц, участвующих в деле о времени и месте судебного заседания). Оправданно ли существование различий в порядке рассмотрения заявлений о разъяснении судебного решения и разъяснении исполнительного документа? Если да, то каким он должен быть применительно к разъяснению исполнительного документа с позиции оптимизации судопроизводства и исполнительного производства?

7. Диссертант вполне обоснованно обращается к дискуссионной в отечественной доктрине теме о возможности рассмотрения дел об оспаривании решений, действий (бездействия) судебного пристава-исполнителя и других должностных лиц службы судебных приставов в порядке упрощенного производства. Дискуссия обусловлена принятием КАС РФ, содержащим

раздел V, который вводит не известную ранее отечественному праву судебную процедуру – упрощенное (письменное) производство по административным делам (с. 118–120 диссертации), которая, как справедливо отмечает автор, не содержит перечня категорий дел, не подлежащих рассмотрению в упрощенном порядке. На странице 118 работы автор положительно оценивает правовую позицию ВАС РФ, изложенную в п. 8 Постановления № 62 от 8 октября 2012 г. о недопустимости рассмотрения дел об оспаривания решений и действий (бездействия) должностного лица службы судебных приставов в порядке упрощенного производства, однако далее, но уже применительно к деятельности судов общей юрисдикции, утверждает обратное: «Не вдаваясь в подробную характеристику упрощенного производства в системе судов общей юрисдикции, следует отметить лишь то, что рассмотрение судами общей юрисдикции дел по оспариванию решений, действий (бездействия) судебного пристава-исполнителя в порядке упрощенного производства является допустимым, поскольку не находится в противоречии с основополагающими принципами исполнительного производства» (с. 121 диссертации). Насколько оправдано применение различных судебных процедур (традиционной и упрощенной) при рассмотрении одной и той же категории дел? Учтены ли автором при формулировании противоречивых выводов положения ч. 3 ст. 232.2 ГПК РФ, содержащей исчерпывающий перечень дел, не подлежащих рассмотрению в порядке упрощенного производства (4 категории дел, включая дела, возникающие из административных правоотношений), и положения ч. 6 и 7 ст. 226 КАС РФ, в соответствии с которыми лица, участвующие в деле об оспаривании решения, действия (бездействия) органа, организации, лица, наделенных государственными или иными публичными полномочиями, их представители, а также иные участники судебного разбирательства извещаются о времени и месте судебного заседания, суд может признать обязательной явку в судебное заседание представителей органа, организации ..., принявшим оспариваемое решение либо совершившим оспариваемое действие (бездействие), что свидетельствует о невозможности рас-

смотрения таких дела в порядке упрощенного производства (суд рассматривает дела об в упрощенном производстве без вызова сторон).

8. Трудно согласиться с предложением диссертанта о целесообразности увеличения срока рассмотрения дел об оспаривании решений, действий (бездействия) судебного пристава-исполнителя до одного месяца и внесении изменений в п. 1 ст. 200 АПК РФ, п. 3 ст. 226 КАС РФ, обосновывая это необходимостью оперативного рассматривания таких требований (с. 131-132). Срок рассмотрения названной категории дел должен быть соотносим с общим сроком совершения исполнительных действий (двухмесячный срок со дня возбуждения исполнительного производства) и, на наш взгляд, с учетом критерия разумности и сущности исполнительного производства может быть увеличен, но не более чем до 15 дней.

9. В юридической литературе предложена концепция модели судебного пристава как «подсобного судебного органа»³, сторонники отнесения исполнительного производства к стадии гражданского процесса (А.Т. Боннер и др.) считают нецелесообразным дальнейшую кодификацию законодательства об исполнительном производстве и предлагают включить весь массив норм, регулирующих отношения по исполнению судебных актов, в процессуальные регламенты ГПК РФ и АПК РФ. Поддерживает ли автор диссертационного исследования предложенное направление дальнейшего развития гражданского и арбитражного процесса и исполнительного производства? Не приведет ли это к коллапсу судебной власти, испытывающей уже сегодня известные трудности в связи с чрезмерной судебной нагрузкой?

10. Требуется дополнительной аргументации вывод диссертанта о недопустимости альтернативной подсудности подачи заявлений в суд о приостановлении и прекращении исполнительного производства.

11. Автор ставит перед собой вопрос, возможно ли обращение в мировой суд с требованиями об оспаривании действий судебного пристава-

---

³ Стрельцова Е.Г. Модель исполнительного производства (в контексте обсуждения реформы процессуального законодательства) // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 9. 2015. С. 79–86.

исполнителя, если жалоба подается на действие (бездействие) пристава-исполнителя, исполняющего решение мирового судьи (с. 126 диссертации)? Во-первых, насколько корректно использование термина «мировой суд», включены ли подобные суды в судебную систему России? Во-вторых, автор не ответил на поставленный перед собой вопрос.

12. Диссертант приходит к выводу о том, что оспаривание действий (бездействия), постановлений должностных лиц службы судебных приставов в арбитражных судах осуществляется в рамках цивилистического процесса в административном порядке. Рассмотрение данной категории дел судами общей юрисдикции производится в порядке административного судопроизводства в рамках административных процессуальных правоотношений, однако автор не формулирует каких-либо научных выводов и не излагает свои взгляды на различное регулирование однотипных общественных отношений.

Изложенные замечания носят в основном дискуссионный и уточняющий характер и не влияют на общую положительную оценку содержания диссертации, положений, вынесенных на защиту, автореферата и опубликованных по теме научных работ Э.Ш. Алимовой.

Представленная на отзыв диссертация является актуальным, монографическим, самостоятельно выполненным оригинальным исследованием.

Автореферат и имеющиеся авторские публикации верно и полно отражают основные положения диссертации, её актуальность и практическую значимость.

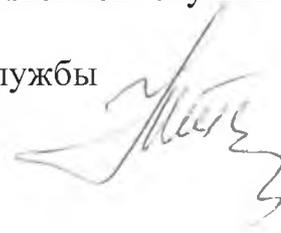
Диссертационное исследование Э.Ш. Алимовой представляет собой научно-квалификационную работу, в которой решена задача, имеющая важное значение для развития гражданского и арбитражного процессуального права, исполнительного права, соответствующей науки и отрасли российского законодательства.

Вывод: *диссертационное исследование Э.Ш. Алимовой, выполненное на тему «Компетенция суда на стадии исполнительного производства в цивилистическом процессе», отвечает требованиям, предъявляемым к диссер-*

тациям на соискание ученой степени кандидата юридических наук разделом II Положения о присуждении учёных степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842 «О порядке присуждения учёных степеней», а её автор – Эльмира Шаукатовна Алимova – достоин присуждения учёной степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.15 – гражданский и арбитражный процесс.

14 мая 2018 г.

Официальный оппонент,
доктор юридических наук, профессор
кафедры правового обеспечения
рыночной экономики Института государственной службы
и управления Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
119606, г. Москва, проспект Вернадского,
д. 82-84, корпус 6;
тел. 8985-118-83-46,
адрес электронной почты
Uletova@mail.ru

Г.Д.Улётова

